

Хроликова В. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

Особенности хронотопа эпистолярного романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди»

Аннотация. В статье рассматривается пространственно-временная организация эпистолярного романа «Бедные люди» (1846) – первого опубликованного произведения Ф. М. Достоевского. На основании анализа пространственно-временной организации «Бедных людей» автор статьи приходит к выводу, что она представляет собой соединение двух миров: «внешнего» по отношению к переписке героев романа – Макара Алексеевича Девушкина и Вареньки Доброселовой и «внутреннего» – мира переписки. «Внешний» мир – это реальный большой мир Петербурга с его большим незамкнутым историческим временем, город социальных контрастов, с его домами, улицами, людьми, «углами», где ютятся герои, с его социумом («петербургский текст» Достоевского). Это мир, который существует независимо от переписки. Вместе с тем «внешний» мир, поскольку речь идет о произведении эпистолярного жанра, предстает преломленным через призму сознаний пишущих героев. «Внутренний» мир ограничен временными рамками, обозначенными датами писем («Апреля 8» – «Сентября 30»). Пространство этого мира замкнутое – это пространство души, вступающей в диалог с другой душой. Благодаря сопряжению «внешнего» и «внутреннего» миров расширяются временные и пространственные координаты «Бедных людей», и возникает по-романному объемный образ мира.

Ключевые слова: эпистолярные романы, жанровая специфика, литературные жанры, психологические романы, хронотопы, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Khrolikova V. (Yekaterinburg, USPU)

***Features chronotope of epistolary novel by F. Dostoyevsky
«Poor people»***

Abstract. In this article the spatial-temporal organization of the epistolary novel «Poor People» (1846), the first published work by F. M. Dostoyevsky is considered. On the basis of the analysis the spatial-temporal organization of «Poor people» the author of article comes to a conclusion that it represents connection of two worlds: the novel, «external» in relation to correspondence of heroes, Makar Devushkin and Varenka Dobroselova and «internal», the world of correspondence. The «external» world is a real big world of St. Petersburg with its big not closed historical time, the city of social contrasts, with its houses, streets, people, «corners» where heroes, with its society («the St. Petersburg text» of Dostoyevsky) huddle. It is the world which exists irrespective of correspondence. At the same time the «external» world as it is about the work of an epistolary genre, appears refracted through a prism of consciousnesses of the writing heroes. The «internal» world is limited by the time frames designated by dates of letters (from April, the 8th to September, the 30th). The space of this world is a space of the soul entering dialogue with other soul. Thanks to interface of the «external» and «internal» worlds temporary and spatial coordinates of «Poor people» extend, and there is in a novelistic way a volume image of the world.

Keywords: epistolary novels, genre specificity, literary genres, psychological novels, chronotopes, Russian literature, Russian writers, literary creativity.

О природе эпистолярного романа в литературоведении до сих пор не существует единого мнения [См. об этом подробнее: Хроликова 2016 (б): 7-18]. Традиционно под эпистолярным романом понимают жанровую разновидность прозы, использующую эпистолярную форму, иными словами, это не что иное, как роман в форме писем [См., напр.: Крупчанов: 1974: 469; Урнов 1975: 918-920; Муравьев 2001: 1233-1235 и др.]. Однако данное определение не является точным, так как оно не содержит в себе четкого обозначения специфики эпистолярного романа как особой жанровой разновидности.

На наш взгляд, правы те исследователи, которые рассматривают эпистолярный роман как разновидность романа психологического [См.: Шер 2007; Третьякова 2012; Ермоленко 2014: 5-23]. «Форма письма, – подчеркивает Е. Ю. Шер, – используется

чаще всего в исповедальной функции» [Шер 2007: 52]. Герои эпистолярного романа в письмах раскрывают перед реальным (в художественном мире произведения) или потенциальным читателем свою душу, мысли. При этом оказывается, что основной конфликт в эпистолярном романе «обнаруживается не в сфере отношений человека с миром, а внутри самой личности» [Там же: 35]. Важным является следующее замечание О. В. Третьяковой: в эпистолярном романе переписка становится не только способом изображения, но и объектом изображения. Специфическим признаком романа в письмах Третьякова называет «размышление редактора или героев» над жанровыми особенностями письма. Корреспонденты в свои письма могут вводить рассуждения о предшествующих произведениях, написанных в эпистолярной форме [Третьякова 2012: 36]. Эпистолярная проза, расцвет которой приходится на первую треть XIX века, способствовала утверждению психологического романа в русской реалистической литературе [См. подробнее: Ермоленко 2014: 5-23].

В литературоведении нет однозначного понимания жанровой специфики романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» [См. об этом: Хроликова 2016 (а): 283-294], что делает необходимым дальнейшее ее изучение. Одним из важнейших носителей жанра является пространственно-временная организация, или, по М. М. Бахтину, хронотоп [Бахтин 2000: 11-193]. Основная функция пространственно-временной организации, отмечает Н. Л. Лейдерман, – создание «виртуальной реальности». Читатель может лицезреть «виртуальную реальность», «обжиться в ней и сопереживать героям». В то же время «хронотопический образ несёт в себе эстетический, ценностный смысл», участвует «в создании общей эмоциональной атмосферы произведения» [Лейдерман 2010: 123].

Пространственно-временная организация непосредственно участвует в создании образа мира в романе «Бедные люди». В структуре романа можно выделить две сюжетные линии, которые обуславливают своеобразие его хронотопа: первая – переписка Макара Алексеевича Девушкина и Вареньки Доброселовой, вторая – воспоминания героини, представленные в форме записок. Согласимся с утверждением О. О. Рогинской о том, что «Бедные люди» относятся к роману открытого типа, который

предполагает отсутствие первого, начинающего переписку письма и последнего, его завершающего: «Первое письмо в романе отнюдь не является первым письмом в переписке героев; неизвестно и то, является ли последнее в тексте романа письмо последним в истории их отношений» [Рогинская 2002: 146].

Действие романа начинается «Апреля 8», весной, в период расцвета как природы, так и человеческих чувств. Окончание переписки обозначено «Сентября 30», то есть переписка обрывается осенью, в период начавшегося угасания природы, умирания всего живого. В. В. Виноградов указывает на важность в архитектонике «Бедных людей» датировки писем [См. об этом: Виноградов 1976: 177]: даты акцентируют внимание читателя на движении времени в романе, что связано с динамикой романного повествования.

Переписка героев начинается с описания новой квартиры Макара Алексеевича: «Вообразите, примерно, длинный коридор, совершенно тёмный и нечистый. По правую его руку будет глухая стена, а по левую всё двери да двери, точно номера, всё так в ряд и простираются» [Достоевский 1972: 16]. «Темное», «нечистое» пространство создает гнетущее впечатление. Кроме того, это «глухое», замкнутое пространство, ограниченное, имеющее четкие геометрические формы («длинный коридор», «номера, всё так в ряд и простираются», «глухая стена», «всё двери да двери»). Двери (не только открытые, но и мнимо закрытые) как деталь интерьера в художественном мире Достоевского свидетельствуют не столько о защищенности пространства, сколько о его незащищенности. Дверь, являясь границей между личным пространством (квартиры, «номера») и пространством улицы, на самом деле не выполняет функции «сокрытия», защиты от постороннего глаза того, что скрывается за ней (так будет потом, например, и в романе «Преступление и наказание», в котором повторяются особенности организации художественного пространства, характерные уже для первого романа писателя «Бедные люди»).

Характеристика нового жилища Макара Деушкина уточняется (по принципу контраста) описанием «старой квартиры»: «Квартирка-то была, знаете, маленькая такая; стены были, как и все стены» (20). Однако прежняя «маленькая квартирка», «сте-

ны» которой вызывали в нем ощущение защищенности, позволяла герою находиться в гармонии с самим собой. Кажется, Девушкиным, вспоминая своим прежнем житье, названы все основные атрибуты теперь уже утраченной «семейной идиллии»: тут и домашний очаг («Огонь-то мы с нею [с хозяйкой – В. Х.] вместе держали», и своего рода намек на три поколения семьи, живущие под одним кровом, – кроме «старушки» – хозяйки и Макара Алексеевича, примерный возраст которого около 47 лет¹, есть еще и ребенок («Внучка у ней [у хозяйки – В. Х.] Маша была... Такая шалуныя была, такая веселенькая, всё нас смешила...» – «вот мы так втроем и жили»). Девушкин лишился всего того, к чему стремится каждый человек, – семейного тепла и уюта. Поэтому он с грустью вспоминает о своей жизни на старой квартире: «Странное дело – тяжело, а воспоминания как будто приятные» (20).

Теперь, утрата столь дорогое ему ощущение семейности и защищенности, Девушкин живет как бы на виду у всех: «Я живу в кухне, или гораздо правильнее будет сказать вот как: тут подле кухни есть одна комната, комнатка небольшая, уголок такой скромный...». По существу, герой живет не в «комнатке», а «в кухне» за «перегородкой»: «кухня большая в три окна, так у меня вдоль поперечной стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната, номер сверхштатный» (16). «Квартиру», где Макар Алексеевич снимает «уголок», он называет «трущобой» («... в какую же я трущобу попал..!»). Да и нынешняя квартирная хозяйка не в пример прежней доброй «старушке» – хозяйке («Хорошая она была женщина...», – с теплой грустью вспоминает герой) – «очень маленькая и нечистая старушонка». В ма-

---

¹ «Ответ на вопрос “сколько лет Макару Девушкину?” мы находим в письме пятом, однако и в нем возраст персонажа назван не прямо, а обозначен через отдельные факты его биографии (“...было мне всего семнадцать годочков, когда я на службу явился, и вот уже скоро тридцать лет стукнет моему служебному поприщу”)... Сопоставив последние, мы приходим к цифре 46-47 лет» (Гальцова М. В. Сколько лет Макару Девушкину? (Антиномия старость-молодость в структуре характера героя) // Филология и человек. 2012. № 3. С. 122-129. URL: <http://www.asu.ru/files/documents/00008376.pdf> (дата обращения: 14.04.2017).

леньком пространстве «уголка» Девушкин старается создать свою пространственную нишу [см.: Исупов 1997] – подобие защищенности, которое оказывается на самом деле мнимым: «Порядку не спрашивайте – Ноев ковчег!». Девушкин подробно описывает обстановку «скромного уголка»: «Поставил я у себя кровать, стол, комод, стульев парочку, образ повесил». Макар Алексеевич обставил свой «уголок» только самым необходимым, что характеризует героя как человека непритязательного к бытовым условиям, да и попросту бедного. Девушкин заверяет Вареньку, что у него «всё просторное, удобное, и окно есть, и всё, – одним словом, всё удобное» (16). Нетрудно заметить, что Девушкин как будто самому себе внушает уверенность в удобстве такой «трущобной» жизни.

Тесной в восприятии Макара Алексеевича является и улица, куда выходит окно комнатки героя: «Ваше окошко напротив, через двор; и двор-то узенький...» (16). Незначительные, на первый взгляд, детали («маленькая квартирка» в «трущобе» – «Ноевом ковчеге», «перегородка», «уголок такой скромный», «двор-то узенький») призваны подчеркнуть не только социальное положение, которое герой занимает в обществе, но и чувство духовной ущемленности, сдавленности, которое так точно охарактеризует потом Раскольников – герой «Преступления и наказания»: «А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!» [Достоевский 1973: 320]. Как справедливо скажет К. В. Мочульский, в «Бедных людях» «мы слышим впервые голос автора “Преступления и наказания”» [Мочульский 1995].

На наш взгляд, стоит обратить внимание на важные (и в последующем творчестве Достоевского) особенности художественного пространства «Бедных людей», в организации которого основную смысловую нагрузку несут такие детали, как: лестница, коридор, улица. Отмечая значимость пространственных деталей-символов, М. М. Бахтин писал: «У Достоевского порог и смежные с ним хронотопы лестницы, передней и коридора, а также и продолжающие их хронотопы улицы и площади являются главными местами действия в его произведениях, местами, где совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений, прозрений, решений, определяющих всю жизнь человека» [Бахтин 1975: 397. Курсив наш. – В. X].

В «Бедных людях» хронотоп лестницы появляется уже в одном из первых писем Девушкина, когда герой описывает доходный дом, в котором он снимает свой «угол»: «... в доме у нас, на чистом входе, лестницы весьма посредственные, особливо парадная – чистая, светлая, широкая, всё чугун и красное дерево»; в противоположность ей «чёрная» – «винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стены такие жирные, что рука прилипает, когда на них опираешься». Так, уже описанием «чистой» «парадной» лестницы (для богатых обитателей дома) и «черной» – «грязной» (для бедных) подчеркивается социальный контраст как характерная примета современного Достоевскому общества. Далее описание лестниц переходит в описание внутреннего содержания дома, той его части, куда заходят с «черного» входа: «На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы поломанные, веточки развешаны, окна повыбиты; лоханки стоят со всякой нечистью, с грязью, с сором, с яичною скорлупою да с рыбьими пузырями; запах дурной... одним словом, нехорошо» (22). Так читатель попадает в мир петербургских трущоб.

Хронотоп лестницы возникает еще раз в один из кульминационных моментов романа, когда Макар Алексеевич, чтобы заступиться за честь оскорбленной Вареньки, направляется в дом к офицеру, сделавшему ей недостойное предложение. Но в результате «переговоров» героя спускают с лестницы: «Ну, тут-то меня и выгнали, тут-то меня и с лестницы сбросили, то есть не то чтобы совсем сбросили, а только так вытолкали» (67). «Сброшенность» с лестницы становится символом падения героя: «я себя уронил и амбиция моя пострадала» (67).

Следующее «падение» Девушкина, осознавшего унижительность, впрочем, не только своего, положения происходит на улице: «Я сначала вышел немножко поосвежиться. Тут уж всё пришлось одно к одному: и природа была такая слезливая, и погода холодная, и дождь» (82). Гуляя по Гороховой улице («Какие лавки, магазины богатые; всё так и блестит и горит <...> Богатая улица!»), Макар Алексеевич невольно сравнивает богатых покупателей магазинов, которые разъезжают в «пышных экипажах» («стекла, как зеркало, внутри бархат и шелк; лакеи дворянские, в эполетах, при шпаге»), с бедняками – обитателями Фонтанки: «Народу ходила бездна по набережной, и народ-то

как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат, по какой-нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанным в копченом масле, с замком в руке; солдат отставной, в сажень ростом, – вот какова была публика» (85).

Улицы, как и лестница в начале романа, снова изображены по принципу контраста двух миров (богатых и бедных). Прогулка тревожит душу Девушкина: «случилось мне бедность свою вдвойне испытать сегодня» (87). На улице герой особенно остро ощущает свою принадлежность к низкому сословию. Вместе с тем у Макара Алексеевича открываются глаза на окружающее: «А ещё люди богатые не любят, чтобы бедняки на худой жребий вслух жаловались, – дескать, они беспокоят, они-де назойливы! Да и всегда бедность назойлива, – спать, что ли, мешают их стоны голодные!» (88).

Несмотря на эпистолярную форму, замыкающую все изображаемое в пределах сознания пишущего человека, Достоевскому удалось изобразить «физиологию» Петербурга, «дать обширную картину жизни той среды, в которой приходится существовать Девушкину, Вареньке». Писатель рисует «весь круг петербургского ада», «он обличает каменные сердца, жестокие законы сытых, обутых, одетых, живущих в тепле и богатстве» [Кирпотин 1947: 213].

Можно говорить о том, что герой постоянно находится в пограничном состоянии, на грани духовного падения (отсюда акцентировка символических деталей художественного пространства – лестница, коридор, улица, указывающих на своего рода границу, край). Это своеобразная «игра на переходе от странственной крайности к жизни на краю, на пороге смерти, в безвыходных условиях, когда “дальше идти уже некуда”» [Топоров 1995: 282]. И все же, при всей безвыходности своего труппного существования, Макар Алексеевич не может переступить через свою человечность, даже и в том случае, когда обстоятельства, казалось бы, вынуждают его поступать иначе.

Временной план писем Макара Алексеевича неоднороден. Преимущественно герой пишет о недавно произошедших событиях, например: «спал я сию ночь добрым порядком»; «встал я

сегодня таким ясным соколом» (14); «я со слезами на глазах вчера каялся» (96). Если говорить о воспоминаниях, то у Девушкина отсылка к прошлому, тем более далекому, не так частотна, как в письмах Вареньки. Она встречается лишь в нескольких письмах: «Хорошо было нам жить... мы чуть ли не двадцать лет вместе прожили» (20); «и вот уже скоро тридцать лет стукнет моему служебному поприщу. Ну, нечего сказать, износил я вицмундиров довольно... пожил на свете так, что меня хотели даже к получению креста представить» (47); «... и на нас в оно время блажь находила. Врезался в эту актрисочку...» (60). Макару Алексеевичу не свойственно предаваться утопическим мечтам или с головой окунаться в воспоминания о прошлом; наоборот, герой живет настоящим временем, заботами и проблемами грядущего дня.

По словам В. В. Виноградова, «история Вареньки Доброселовой в основных чертах – традиционный остов сюжета сентиментального романа»: бедная сирота оказалась на попечении у мнимой «благодетельницы», которая продает ее богатому господину. Однако «схема Варенькиной трагедии осложнена введением истории студента Покровского», его матери «как ранней жертвы Анны Федоровны, предшественницы Вареньки» [Виноградов 1976: 168]. Согласимся с мнением исследователя о том, что «эта завершенная трагедия... как бы освобождала Достоевского от необходимости развивать судьбу Вареньки до биографического конца, настраивая читателя к смутным предчувствиям и контрастным ожиданиям» (судьба матери Покровского предвещает будущее Вареньки), «подготавливая, таким образом, вознесение на трагическую вершину только одного Девушкина» [Там же: 169. Курсив автора. – В. Х.].

Записки Вареньки включаются в текст в тот момент, когда из писем Макара Алексеевича читатель узнает о «благодетелях», оказываемых им героине. В записках девушки появляется другой «благодетель» – Анна Федоровна, отношение к которой у Вареньки крайне негативное («Злая женщина была Анна Федоровна; она беспрерывно нас мучила» (30)).

Верным представляется замечание И. Д. Якубовича о том, что «рамки переписки раздвинуты писателем включением в текст романа воспоминаний Вареньки» [Якубович 2001: 95]: в

настоящее время как бы «вторгается» время прошлое. Так, ретроспектива записок позволяет расширить время в романе: перед читателем уже не полугодовая переписка, а эпоха в жизни одного человека. Стоит заметить, что подобная «вставка» доказывает, что Варенька остаётся «вся в прошлом» [Виноградов 1976: 171], несмотря на её отрицания: «У меня сил недостаёт говорить теперь о моём прошедшем; я и думать об нём не желаю; мне страшно становится от этих воспоминаний» (48, 49). В том же письме от «Июня 20» девушка пишет о тех, кто принёс ей много зла, – об Анне Фёдоровне и Быкове: «Она [Анна Фёдоровна – В. Х.] зовёт меня к себе...»; «Она [Анна Фёдоровна – В. Х.] говорит, что господин Быков хочет мне дать приданое» (49). В других корреспонденциях мы также встречаем неоднократные обращения к воспоминаниям о былом, ушедшем: «Сидишь, думаешь-думаешь, – вспоминаешь всё старое, и радостное, и грустное, – всё идёт перед глазами, всё мелькает, как из тумана» (55); «Я помню, когда я, бывало, ещё маленькая, в пансион хаживала. Бывало... всё хорошо на сердце, светло на душе» (57); «Приходите ко мне, вам будет у нас весело: мы будем вместе читать, будем старое вспоминать...» (80); «Осенний вечер я любила больше, чем утро. Я помню, в двух шагах от нашего дома...» (83). Прошлое овеяно в памяти Вареньки ореолом счастья, света («радостное», «всё хорошо», «светло»), и поэтому героиня, хотя бы в своих воспоминаниях, стремится уйти от суровой действительности в безвозвратно прошедшее.

В противоположность прошлому будущее Вареньки не определено, оно пугает героиню неизвестностью: «Что со мною будет! Что ещё мне готовит судьба?» (97). После появления Быкова девушка приходит в ещё большее замешательство. Она напугана, о чем свидетельствуют довольно частые повторы однотипных вопросов: «Чего же мне ожидать от грядущего, чего ещё спрашивать у судьбы?»; «Что мне делать?»; «...но что же мне делать, друг мой, что же мне делать?» (101).

В последнем письме от «Сентября 30» Варенька о еще длящемся настоящем говорит в форме прошедшего времени: «Вот и кончилось это время! Я мало отрадного унесу в новую жизнь из воспоминаний прошедшего; тем драгоценнее будет воспоминание об вас, тем драгоценнее будете вы моему сердцу» (106).

В свете безрадостного будущего настоящее уже становится для героини «драгоценным» прошлым, она не предвидит счастливой развязки своей судьбы. Предрешенность этой развязки, тем не менее, не противоречит открытости времени в последних письмах Вареньки, поскольку эта развязка оказывается за пределами романного повествования.

Мы не встречаем в письмах героини подробного описания ее квартиры, как это дается в письмах Девушкина. Присутствуют лишь отдельные детали интерьера: «Я её [«гераньку» – В. Х.] посередине окна поставила, на самом видном месте; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку ещё цветов поставлю» (18). Зато, в отличие от Макара Алексеевича, Варвара Алексеевна чутко воспринимает природу, что находит отражение, например, в письме от «Июня 11», написанном после прогулки на острова: «Как там свежо, хорошо, какая там зелень!.. Безоблачное, бледное небо, закат солнца, вечернее затишье...» (46). Поэтические описания природы появляются главным образом в записках героини. Ее любимым временем года является осень. Как заметил В. В. Виноградов, «лик Вареньки... остаётся только в ореоле осенней природы» [Виноградов 1976: 178. Курсив автора – В. Х.]. При воспоминаниях о детстве героиня обращается именно к периоду осени. Так, в письме от «Сентября 3» Варенька пишет: «Но сегодня свежее, яркое, блестящее утро, каких мало здесь осенью». Осень вызывает у Варвары Алексеевны целую цепочку воспоминаний: «Я помню, в двух шагах от нашего дома, под горой, было озеро. Это озеро было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь!». Как тонко воспроизводятся ею в письмах все детали увиденного в далёком детстве: «По синей воде встаёт белый пар, тонкий, прозрачный. Даль темнеет; всё как-то тонет в тумане, а вблизи так всё резко обточено, словно резцом обрезано... ветка ракитовая с пожелтелыми листьями путается в камыше, – вспорхнёт чайка запоздалая, то окунётся в холодной воде, то опять вспорхнёт и утонет в тумане. Я засматривалась, заслушивалась, – чудно хорошо было мне» (83). В письмах воссоздается ощущение открытости, бесконечности деревенского простора («на гумнах огромные скирды хлеба», «стаи птиц», «широкое озеро», «даль темнеет»), контрастно противопоставленного петербургскому «трущобному» про-

странству «бедных людей». При воспоминании о прошлом в записках Вареньки возникает мотив света: «Когда мы оставляли деревню, день был такой светлый, тёплый, яркий; сельские работы кончались; на гумнах уже громоздились огромные скирды хлеба и толпились крикливые стаи птиц; все было так ясно и весело» (27). И так как детство было лучшим периодом в жизни Вареньки, то и в воспоминаниях о прошлом появляются слова с семантикой света: «тёплый», «яркий», «светлый», «ясно».

Иная тональность возникает в записках Вареньки, когда она описывает свою жизнь в Петербурге: «А дома у нас по целым дням была страшная тоска и скука» (27); «Дни проходили за днями, и каждый день был похож на предыдущий» (31). Петербургская осень – столь любимое Варенькой время года – совсем не похожа на деревенскую осень: «На улице постоянно была грязь» (27); «Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою: оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкий дождь дробил в стекла и омывал их струями холодной, грязной воды; было тускло и темно» (45). Таким образом формируется «климатически-метеорологический» аспект описания Петербурга (дождь, грязь, тусклое небо), «специально подчеркиваются явления специфически петербургские» [Топоров 1995: 282]. Переезд в Петербург воспринимается Варенькой как поворотный, трагический момент в ее жизни: именно в Петербурге она теряет всех своих близких и дорогих сердцу людей (отца, мать, студента Покровского), в Петербурге она становится жертвой обмана Анны Федоровны, узнает, что такое бедность. Мир города, воссозданный в записках Вареньки, контрастирует с деревенским, провинциальным, как настоящее контрастирует с воспоминаниями о прошлом в ее письмах.

В корреспонденциях Вареньки Доброселовой обнаруживается эффект прерванной переписки в период возвращения в ее жизнь господина Быкова, что можно связать со всё более убыстряющимся темпом жизни героини (Быков посетил Вареньку 20 сентября, а уже 30 сентября она напишет: «Все свершилось!»). Так, в письме от «Сентября 23»: «Пришёл Быков; я бросаю письмо неоконченным. Много ещё хотела сказать вам. Быков уже здесь!» (101); или в своём последнем письме: «Господин Быков зовёт меня» (106). Стоит также обратить внимание

и на то, как Быков после сватовства становится для Вареньки господином Быковым. Еще в письме от «Сентября 23» Варенька пишет: «Третьего дня был у меня Быков» (99), «Пришел Быков», «Быков уже здесь!» (101). Но уже в следующем письме от «Сентября 27» все меняется: «Господин Быков сказал...», «Господин Быков сердится...»(102); «Господин Быков торопится...», «... господин Быков говорит...», «Тетушка господина Быкова...», «Господин Быков езжает...» (103) и т.д. Несмотря на то, что Варенька теперь уже невеста Быкова, будущая жена, она воспринимает его как своего господина.

Переписка героев, напомним, ограничена двумя датами, обозначенными в первой и последней корреспонденциях. Часто в письмах Макара Алексеевича и Вареньки можно встретить указание на конкретное время суток или отсылку к предыдущему дню: «Вчера я был счастлив» (13), «Целое утро мне было так легко на душе...» (18), «я простудилась немного вчера...» (25). «Внешний» мир, в котором «живут» герои, имеет большие временные масштабы в сравнении с «внутренним» миром переписки, что проявляется в пропуске некоторых корреспонденций. Так, между 25 апреля и 20 мая отсутствуют письма героев, но из письма Макара Алексеевича становится ясно, что Варенька была больна, при этом герой её «почти совсем не покидал во всё время болезни» (26). Между 8 июля и 27 июля также отсутствуют корреспонденции: в это время (за пределами переписки) и происходит «падение» Девушкина.

В «реальной», действительной жизни героев происходят их встречи, что также обнаруживается в письмах: Макар Алексеевич и Варенька вместе совершают прогулку на острова («Как я благодарна вам за вчерашнюю прогулку на острова, Макар Алексеевич!» (46)), посещают театр («Знаете ли, если мы пойдем в театр, то я надену мою новенькую шляпку» (60)), встречаются во время всеобщей («Завтра вас у всеобщей увижу» (21)).

Таким образом, пространственно-временная организация романа «Бедные люди» представляет собой соединение двух миров: «внешнего» по отношению к переписке и «внутреннего» – мира переписки. «Внешний» мир – это реальный большой мир Петербурга с его большим незамкнутым историческим временем, город социальных контрастов, с его домами, улицами, «углами», где

ются герои, с его социумом. Он существует независимо от переписки, имеет большие временные и пространственные масштабы, чем «внутренний» мир. Однако «внешний» мир, поскольку речь идет о произведении эпистолярного жанра, предстает преломленным через призму сознаний пишущих героев. «Внутренний» мир, возникающий в переписке Макара Алексеевича и Вареньки, ограничен временными рамками, обозначенными датами писем («Апреля 8» – «Сентября 30»). В нем души героев раскрываются навстречу друг другу: читатель узнает о прошлом и настоящем героини, ее переживаниях за свое будущее, тревогах и размышлениях о насущном героя, следит за духовным становлением его как личности («... сердцем и мыслями я человек»). Благодаря сопряжению «внешнего» и «внутреннего» миров расширяются временные и пространственные координаты «Бедных людей», и возникает по-романному объемный образ мира.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 506 с.

2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 11-193.

3. *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма: (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. – М.: Наука, 1976. – С. 141-187.

4. *Достоевский Ф. М.* Бедные люди // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л.: Наука, 1972. – Т. 1. Бедные люди: повести и рассказы. 1846-1847. – С. 13-108.

5. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6. – С. 5-422.

6. *Ермоленко С. И.* Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа // Уральский филологический вестник. – 2014. – № 3. – С. 5-23. – (Сер. Русская классика: динамика художественных систем (вып. 6)).

7. *Исупов К. Г.* Пространство // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев. – Челябинск: Металл, 1997. – 272 с. – URL:

<http://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/098/> (дата обращения: 06.02.2017).

8. *Крупчанов Л.* Эпистолярная форма // Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – С. 469.

9. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра. Исследования и разборы / Ин-т филол. исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.

10. *Муравьев В. С.* Эпистолярная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – Стлб. 1233-1235.

11. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – С. 259-368.

12. *Третьякова О. В.* Феномен «роман в письмах» в русской литературе XVIII – первой трети XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2012. – 214 с.

13. *Урнов Д. М.* Эпистолярная литература // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 8. – С. 918-920.

14. *Хроликова В. А.* Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: основные аспекты изучения // Актуальные проблемы филологии: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 13. – С. 283-294 (а).

15. *Хроликова В. А.* Эпистолярный роман в историко-теоретическом освещении // LITTERATERRA: материалы V Международной конференции молодых ученых «Litteraterra». Екатеринбург, 2-3 декабря 2015 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 11. – С. 7-18 (б).

16. *Шер Е. Ю.* «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера: реализация замысла романа в письмах: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 246 с.

17. *Якубович И. Д.* Поэтика романа «Бедные люди» в свете европейской традиции эпистолярного романа: Н. Леонар – Пушкин – Достоевский // Достоевский: материалы и исследования: в 20 т. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 16. – С. 80-96.